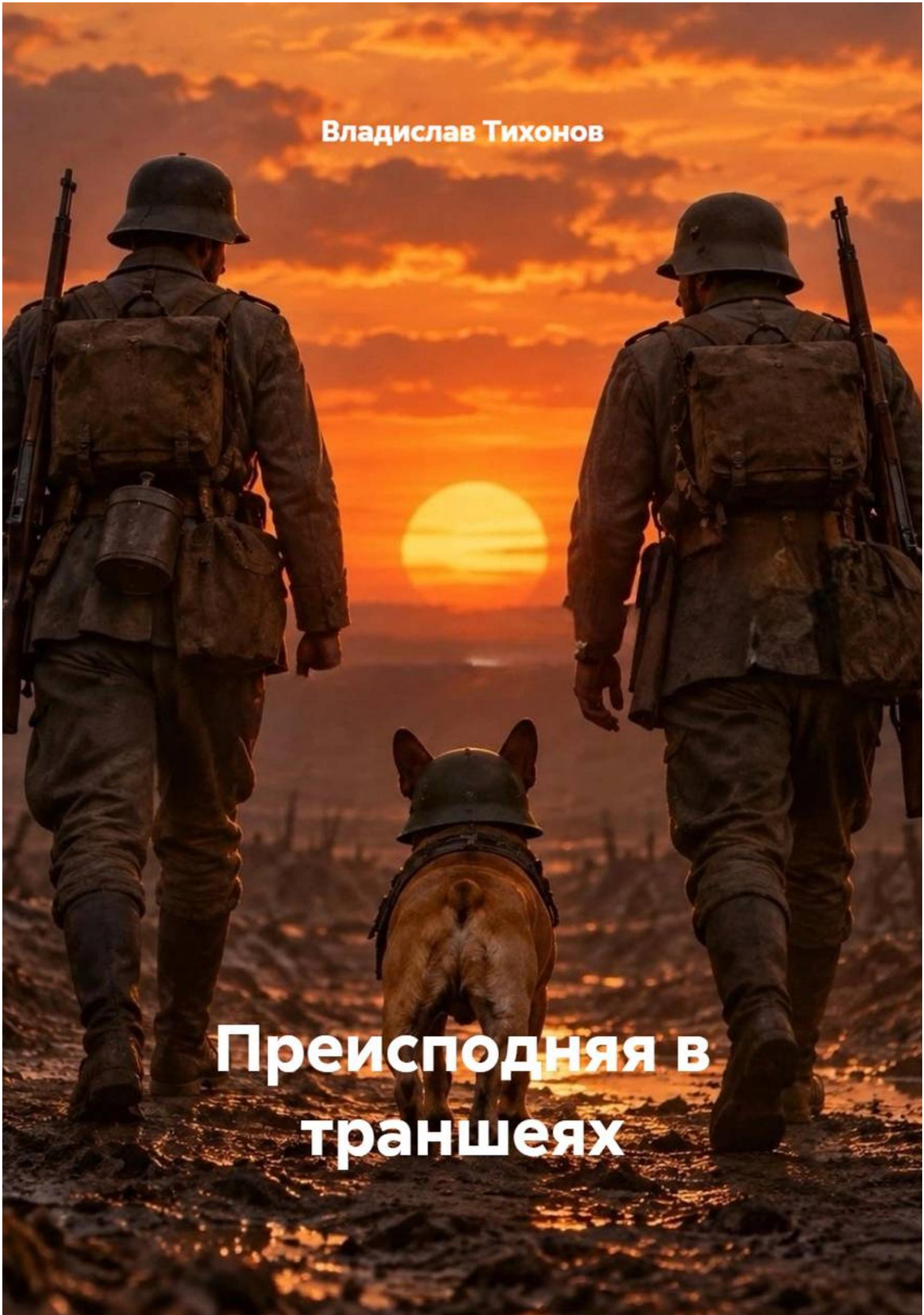

Владислав Тихонов
Преисподняя в траншеях

Владислав Тихонов

Преисподняя в траншеях

«Автор»
2026

Тихонов В.

Преисподняя в траншеях / В. Тихонов — «Автор», 2026

В траншеях Первой мировой войны, где надежда — редкая валюта, разворачивается история боевого братства, скреплённого не только клятвой, но и собачьей верностью. Двое неразлучных друзей держат оборону не только от врага, но и от отчаяния, спасая друг друга от гибели и безумия. Их маленький отряд по-настоящему становится семьёй благодаря третьему товарищу — французскому бульдогу по кличке Бус.

© Тихонов В., 2026
© Автор, 2026

Преисподняя в траншеях

Преисподняя в траншеях

Пролог

- Мы окружены, держать эту позицию!

Так началось первое моё утро на фронте траншейной войны. Наш командир всех разбудил своим громким криком и разрывающимся шариком в свистке, а затем прозвучал взрыв, один за другим. Наши верные винтовки «Маузера 98» не умолкали, пулю за пулей они выплёвывали во врагов, которых так считала наша страна. Когда пули закончились, в ход пошли наши штыки; когда штыки затупились, мы все взяли сапёрные лопаты; а когда наши сапёрные лопаты пропитались кровью врагов, смешанной с землёй, мы бросились на врага и дрались кулаками до тех пор, пока наши костяшки не покрылись кровью. Наши враги, французы, смогли пробраться к нам в траншеи. В этих узких проходах мы убивали друг друга, протыкая штыками и забивая лопатами, сопровождая это всё криками, но какими криками — непонятно. То ли это крики ярости и злобы, а может, это крики страха и беспомощности.

Когда на меня впервые напал француз и начал душить, я видел этот взгляд: его лицо, которое было всё в земле и в грязи, смотрело на меня с таким же страхом, как и моё на него. Я боялся, что не выживу, а он , что, наоборот, выживу. Его слюна летела мне в лицо, затылок погружался в грязь, смешанную с водой, а мутная жижа заливала глаза и попадала в рот, перекрывая дыхание. Казалось, всё кончено , но тут чей-то штык пронзил моего врага.

Боевые машины, именуемые танками, могли существенно переломить ход любого боя. К сожалению, у противника их было больше, но и у нас тоже данная техника присутствовала , она нас и спасала в этом бою. Адские гусеничные машины, которые громко рычали и крушили всё на своём пути, давя всё живое. Тогда я их впервые увидел: зрелище ужасающее , как эта железка начала давить французов и расстреливать их из пулемётов «Максим», заставляя остальных бросить своё оружие и отступать в свои траншеи.

Бой начал утихать. В наших траншеях много убитых французов и наших товарищей. Нам дали приказ собрать жетоны наших боевых братьев, чтобы мы могли передать их домой. Собирая жетоны, я думал, что мы съехались сюда со всех концов света и что эта война станет для нас своеобразным ритуалом взросления, настоящим приключением. Но вскоре стало ясно: никакого приключения тут нет. Вместо него мы нашли страх, а где страх , там и смерть.

Что заставило людей снова взять оружие и пойти убивать друг друга? Неужели люди для этого и нужны? Ради чего мы рождаемся в крови и боли и умираем совсем одни в темноте и грязи? Наверное, ради семьи: отца и сына, братьев, матерей и дочерей. Ведь за каждым прицелом тут, на войне, стоит человек, и неважно, кто он: герой, преступник, царского рода или нет, — тут все одинаковые.

Меня зовут Густав, мне 22 года, и я немецкий солдат, а все мы - траншейные крысы.

Глава 1. Последствия боя

После боя был дан приказ собрать жетоны наших павших боевых товарищей. Скажу так: в той сумятице было невозможно разобрать, где свои, а где чужие..

Наших товарищей было убито много, земля и грязь поглотили их, приняли в свои траншейные объятия. Срывая жетоны за жетонами, я понял ещё одно: мы сражаемся повсюду, в любых возможных условиях, используя орудие, о котором даже не мечтали. Но смерть есть смерть, и на всех языках крики страданий звучат одинаково.

— Хорошая работа, Густав, продолжай в том же духе.

Так сказал наш командир, герр-лейтенант, с перевязанной головой , он чистил свой грязный, но верный «Маузер». Мой мешок наполнялся жетонами наших товарищей, а ведь я тут только первый день. А что будет дальше? Сколько ещё смертей и ужаса мне придётся увидеть? Вернусь ли я домой? Эти мысли не давали мне покоя.

— Герр лейтенант, разрешите доложить?

— Разрешаю, Густав. Что у тебя?

— Жетоны наших павших товарищей собраны в количестве 124 штук.

— Сколько лет было всем примерно?

— Где-то от 18 до 25 лет, герр-лейтенант.

— Это очень прискорбно слышать, Густав. Ты отлично выполнил задание, солдат. Приведи себя в порядок и иди отдохни. Сегодня было тяжёлое утро.

Я сел в блиндажик и начал чистить свою винтовку. Она была вся пропитана землёй, все механизмы были в плену этой грязи и глины. Моя шинель была твёрдой из-за того, что земля с кровью впиталась в неё. На зубах скрежетало от земли, и до сих пор чувствовался вкус грязной воды, когда меня топил француз. Когда я привёл себя в порядок, наконец-то прозвучала радостная новость. Это было не окончание войны, к сожалению, а обед. Взяв свой котелок, я мигом помчался на полевую кухню, чтобы отведать кашу с баварскими колбасками.

Как же было вкусно! Мы все ели её взахлёб. Горяченькая каша и хрустящие колбаски дали на мгновенье забыть о том, что война идёт.

— Французы! Все к оружию!

- Ну вот, снова они наступают, - подумал я.

Мы взяли свои верные винтовки и приготовились вести огонь, но это были санитары-волонтёры с белым флагом и их переводчиком. Они пришли к нам, чтобы забрать своих павших товарищей из наших траншей. Война сводит с ума, но о человечности нельзя забывать даже в самый сложный час.

— Мы пришли с миром. Разрешите забрать наших товарищей для передачи жетонов их семьям?

— Что мы будем делать, герр-лейтенант? — спросил я.

— Врага нужно уважать, Густав. Это отряд волонтёров. Угроза смерти сплотила всех. Мы их пустим.

— — Входят только волонтёры, остальные остаются дальше стоять со своими белыми флагами вне траншей, — ответил герр-лейтенант.

Волонтёры шли по нашим траншеям, собирая трупы своих солдат и складывая их в повозку. Я удивился: как это всё происходит? Только недавно мы друг друга убивали, а теперь они не побоялись прийти сюда за своими товарищами. Интересно, а если мы так придём , нам позволят? Ведь все мы, оторванные от дома, разлученные с близкими, нырнули в бурные волны Первой мировой войны, жаждущей новых жертв.

Глава 2. Новости из дома

Наконец-то война закончилась. Я вернулся домой, в наш родной домик. Меня ждали зелёная трава, детская качель и близкие люди - мои родители: мама, папа и мой младший брат Хьюго. Я в новом парадном мундире, с наградами и с добрыми вестями, со своей будущей женой захожу в родительский дом. Как давно меня тут не было! Боюсь, как бы не забыть лица людей, без которых мы все не представляем жизни. Отец, наверное, сидит в кресле-качалке с трубкой и читает газету о нашей победе. Мама, как всегда, готовит вкусный пирог, а брат колесит на велосипеде. Солнце грело так тепло и ярко, что тело постепенно нагревалось и на коже выступал пот. Но главное — мы были дома.

И вот мы подходим к дверям. Так волнительно, что аж руки трясутся и дрожь в губах. Моя невеста взяла меня под руку, положила на плечо голову, и мы постучали в дверь…

— Густав! Густав! Хватит дрыхнуть!

Это был Карл, мой брат по оружию.

— Господи, Карл, мне такой сон снился, а ты меня разбудил.

— Что снилось?

— Дом, милый дом… И моя Гретта.

— Гретта — это твоя подружка?

— Моя будущая жена. Вот, смотри, я покажу тебе её фотокарточку.

Я показал своему другу свою Гретту. Она у меня самая лучшая и прекрасная: волосы до плеч, глаза зелёные, улыбка, на которую хочется смотреть постоянно, прекрасно выточенная фигура. Она очень любит лошадей и всех зверей. Последнее готова отдать, но бездомный котёнок будет накормлен. Добрая душа и сердце. А еще она очень любит пиво.

— Да, она у тебя очень красивая, Густав. Ты её любишь?

— Больше жизни, мой друг, больше жизни.

— Можно тебя попросить, Густав?

— Конечно, Карл, что у тебя?

— Мне пришло письмо от дома, но я не могу его прочесть, так как не умею. Прочти его для меня, пожалуйста.

— Конечно, мой друг, конечно. Давай письмо.

Это было письмо от его мамы.

«Здравствуй, мой сынок Карл! Как ты там? Я за тебя очень переживаю. Новости, конечно, не очень радостные. Дядю Арно, фермера из дома напротив, помнишь его? Тоже ушёл на войну. Еды у нас мало: все продовольствия уходят на нужды фронта , они вам нужнее. Я надеюсь, что ты нашёл себе там друга. Я передала тебе корзину с едой, кушай и делись с товарищами. Там лежит твой любимый кёзешпэцле. Я знаю, что ты не умеешь читать, а я не умею писать — это письмо писала под мою диктовку тётя Ирэн. Надеюсь, ты сможешь найти того, кто сможет для тебя прочесть данное письмо. Я тебя люблю. Твоя мама».

— Карл, ты чего?

— Ничего, Густав, просто в глаза что-то попало.

— Э-э-эй, ты чего! Нельзя маму и всех своих родных вспоминать со слезами! Надо, наоборот, улыбаться. Мы обязательно вернёмся домой.

— Иди, я тебя обниму, мой друг. Спасибо тебе, что смог для меня прочесть это письмо. Угощайся: всё, что лежит в корзине, — всё наше. Мама сказала, чтобы я делился с другом, а ты мой единственный верный друг!

— Дай и я тебя обниму, Карл. Спасибо тебе. Ты тоже мой единственный и верный друг!

Кёзешпэцле оказалось невероятно вкусным блюдом. Это очень сытное блюдо: макароны с сыром, мягкая яичная лапша, переложенная слоями тёртого сыра и украшенная хрустящим жареным луком. Мы ели макароны, и они длинными нитями свисали с наших ложек. Мы смеялись и плакали. Хоть я и сказал: «Что нельзя плакать, вспоминая дом», но, как сказал Карл: «В глаз что-то попало».

Глава 3. Наступление

Я проснулся оттого, что пошёл дождь. Чистые капли воды капали на наши каски, на наши лица. Пока они летели вниз, в них словно отражались мы, такие, какими были до войны. А когда эта чистая, кристальная капелька касалась земли, она смешивалась с глиной и грязью — и становилась мутной, как все люди, оказавшиеся здесь.

Прошло 2 месяца. Наше состояние ухудшается: еды нет, воды питьевой тоже нет, патроны на исходе. Наши товарищи умирают от голода и болезни, именуемой «испанка». У многих тут высокая температура и хриплый кашель с одышкой. Самое страшное, когда из-за недостатка

кислорода у солдат синела кожа, губы и конечности, и ребята захлёбывались собственной кровью. Смерть наступала очень быстро — 2–3 дня, и наши товарищи умирали.

У Карла появилась «окопная стопа» — эту болезнь прозвали тут, в мире траншей. Окопная стопа — это холодовая травма, но она отличается от обморожения. Повреждение зарождается от долгого воздействия холода и сырости на стопы , особенно если ноги подолгу оставались в этих тягостных условиях, а человек был скован вынужденной неподвижностью. Сосуды спазмируются, и ткани не получают кислород и питание. Как правило, такую болезнь ещё можно было заработать из-за неудобной обуви, усталости и истощения.

— Густав, что ты делаешь? — устало спросил Карл.

— Я набираю в каску воды, Карл, чтобы мы могли попить чистую воду. Как твоя нога?

— Болит очень, друг. Я не могу на неё ступить, и даже смотреть на неё страшно.

— Ногу надо постепенно согреть, Карл.

Карл снял свои сапоги, а от ноги осталось лишь название. Мы увидели очень неприятную картину: нога у Карла поменяла цвет, она стала синей и побледневшей, как и сам Карл, и всё это сопровождалось волдырями и трещинами.

— О Господи, Карл, тебе надо срочно в госпиталь.

— Батальон, слушай мою команду! Сегодня туман, а это значит, что французы не будут ожидать нашего наступления, этакий эффект неожиданности. Так что проверяйте своё снаряжение, зарядите свои винтовки, приведите себя в порядок. Всё-таки вы — элита нашей страны, враги должны бояться нас.

Эту речь сказал нам наш герр-лейтенант. Нам казалось, что он не голодает и ничем не болеет, как будто все напасти проходят мимо него.

— Сейчас 5:50 утра. В 6:00 мы начнём наступление. Всем быстро надевать штыки и ждать моего приказа!

У нас началась дрожь от его слов. Мы все истощены и больны. Это наступление — верная гибель. Нам ничего не остаётся, как следовать приказу нашего командира. Мы надели штыки и стали ждать приказа в атаку.

Туман медленно садился на наши винтовки и наши острые штыки.

5:51. Руки дрожат, слабость сильная.

— Густав?

— Что, Карл?

— Друг мой, ты понимаешь, что сегодня мы умрём?

— Понимаю, Карл. Мне тоже кажется, что это конец для нас всех.

5:55. Все ждут. Тишина гробовая. Слышно, как у всех стучит сердце.

— Густав, мне страшно.

— Мне тоже, Карл. Ты не представляешь, насколько страшно. Мне не было так страшно в мой первый день, когда французы нас окружили.

5:58. Пот капает на винтовку. Напряжение на пределе. Ноги не держат: они трясутся и подкашиваются от страха.

6:00. Вот он настал, этот час. Я уже чувствую холод по всему телу и чей-то взгляд в спину. Наверное, так смотрит смерть и ждёт, когда нас всех тут уничтожат.

— Батальон, во имя Императора, во имя Германии, в атаку!!!

И мы все ринулись в бой: хромые, голодные, больные и немощные. Туман был настолько густой, что не видно было собственных штыков на стволе винтовки. Я смотрел наверх и не понимал, что там, вверху, возвышается: что-то огромное, величественное и одновременно жуткое. Из-за тумана этого было не видно. Белая мгла осела окутала наши траншеи. Мы шли в неизвестность, а нет ничего страшнее неизвестности.

— Карл, как ты?

— Плохо, Густав. Нога болит очень. Наверное, тут мне придёт конец.

— Не говори так, друг. Мы справимся. Страшно было ожидание, но наступление уже началось.

— Я надеюсь на это, мой друг.

Каково же было наше удивление, когда выяснилось, что французы тоже решились на неожиданное наступление!

Мы все стали и смотрим друг на друга в этом густом тумане. Что делать? Вот стоят две разные стороны конфликта. Все хотят жить. Мы стреляем, они стреляют. Мы наступаем, и они наступают. Все мы сражаемся отважно, чтобы увидеть проблеск в этой нескончаемой тьме. Война — это мир, а мир охвачен войной, огнём, и это пламя разгорается всё ярче и сжирает всё на своём пути. Наши враги считают, что только они решают исход битвы, но на деле достаточно воли одного человека.

Победа означает жизнь, но для этого нужно сделать выстрел, потому что, пока ты не спустишь спусковой механизм, ты не готов жить, ты готов лишь умереть.

И прозвучал выстрел…

Мы ринулись друг на друга, как голодные звери, жаждущие крови, как крысы на последний кусок сыра. Мы убивали друг друга. Свисток командира разрывался: шарик внутри свистка бегал по корпусу, как проклятый. Штыки пробивали грязные тела наших врагов. Пуль у нас почти не было, и поэтому мы убивали друг друга ножами, штыками, камнями и лопатами.

Я кинулся на француза и стал душить его, как душили меня. И я снова увидел этот взгляд, как был в мой первый день. Я боялся, что он выживет, а он боялся, что умрёт. Но мне нужно было его убить, и я это сделал.

Карл со своей ногой сражался отважно. Мне казалось, что он перестал чувствовать эту боль, так яростно кидался на врагов. Но я не понимал: он хотел умереть или выжить? Сил нет, они покидают меня и всех нас. Обе стороны истощены и измучены этим кровопролитием.

Я начал стрелять. Да, у меня почти не осталось патронов, но я стрелял. Пулю за пулей я отправлял в своих врагов, лишая их жизней и возможности вернуться домой. И тут до нас

донеслись выстрелы — быстрые, оглушительно громкие, — и, словно дождь, они сыпались на нас сверху.

— Что это, Карл?

— Я не знаю, Густав. Наверное, Господь наказывает нас. Нам надо срочно спрятаться.

— Куда?

— Под тела наших товарищей. Залезай под них.

Мы укрылись телами наших солдат, словно тяжёлым одеялом, и оно надёжно защищало нас от адского дождя из пуль, которые беспощадно сыпались. Они пробивали тело солдата, который был для меня в данный момент защитой. Я весь пропитался его кровью: она лилась мне в рот, но вылезать нельзя было. Этот адский огонь с небес заставил французов отступать в свои траншеи с ужасом на глазах. Но и мы тоже были напуганы не меньше.

Когда я вылез из-под павшего тела товарища и сорвал его жетон, на нём было написано имя: «АВГУСТ».

- Спасибо тебе, мой брат по оружию. Ты спас меня. Я передам твой жетон. Прости меня, что я воспользовался тобой как щитом.

Когда я поднял взор к небу, передо мной разверзся настоящий ужас. Прекрасно и одновременно ужасно парил величественный дирижабль, который и начал, словно ливень после засухи, поливать нас пулями — этой смертоносной росой, которая сеет не жизнь, а смерть. Но бой даже не думал заканчиваться.

Глава 4. Неожиданный друг с другой стороны траншей

Бой не заканчивается, он только разгорается, как пламя, которое пожирает всё на своём пути. Мы прорываемся в траншеи французов. Мы ныряем в эти окопы, как в бездну, с целью завладеть данными позициями и установить там наш флаг. И вот мы с Карлом, с яростными криками, бросаемся на врагов, взмываем и обрушиваемся на них, пронзая штыками в этих тесных, грязных, скользких подземных коридорах, что станут для многих последней могилой.

— Густав, Густав, посмотри наверх!

Я поднял голову и увидел, как машины, словно птицы, именуемые «самолётами», бомбили и сжигали наш дирижабль, который нам помогал. Ад был везде: под землёй, на земле и в небе. Но некогда было смотреть, в траншеях продолжался бой. Тут было царство французов, а мы здесь — незваные гости.

Мы с Карлом прорывались в окопах, ведя бой с врагами, прикрывая друг друга. Мы продвигались вперёд , тактически выверено, без лишней спешки, не опуская винтовки, постоянно держа прицел. Ведь стоило лишь на миг отвлечься и траншея тут же сомкнула бы над тобой свои холодные объятия.

Перед нами появился блиндаж. Там сидели французы. Они швырнули оттуда гранату и наш товарищ, шедший первым, бросился на неё, закрыв нас собой и заплатив за это собственной жизнью. Я подошёл к нему и сорвал жетон. Там было имя: «Альберт».

- Спасибо тебе, друг. Мы передадим твой жетон.

— Карл, нам нужно закидать этот блиндаж гранатами.

— Но как? Они же закрыты.

— Наверху у них труба. Это у них своего рода печка. Мы туда закинем их.

— Отличная идея. Я тебя прикрою, а ты закидывай.

— Идёт, Карл.

Я залез на блиндаж, достал гранату М-24, выдернул чеку и закинул в трубу одну гранату, а следом и вторую. Внутри прозвучали два взрыва и мы, находясь рядом, оглохли. Из блиндажа так никто и не вышел, а бой всё не стихал. Мы с Карлом методично уничтожали один блиндаж за другим , никому уже не суждено было оттуда выбраться.

— Густав, я не могу больше идти. У меня нога болит так, что мне хочется её отрезать.

— Карл, смотри, там есть пулемётное гнездо. Давай я тебя туда отведу. Ты займёшь позицию и будешь вести огонь, а я двинусь дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.